

Политика Петра I

Внешняя политика Петра с 1700 года

С 1700 г. Петр начал шведскую войну (главное дело его внешней политики). С 1700 г. Петр является уже вполне созревшим правителем-реформатором. Хронологический обзор его жизни, имевший целью проследить развитие личности и взглядов Петра и обстановку этого развития, мы можем теперь заменить систематическим обзором деятельности преобразователя. Общеизвестность событий времени Петра избавляет нас от необходимости излагать подробности этих событий: мы будем следить лишь за общим ходом, смыслом и связью их, обращая внимание преимущественно на результаты, достигнутые Петром. Это даст нам возможность в целом отметить сущность преобразовательной деятельности Петра.

Первоначально обратимся к внешней политике, затем рассмотрим внутренние реформы и, наконец, попробуем дать характеристику самого преобразователя и ту степень успеха и общественного сочувствия, какой пользовалась его деятельность.

Выше было сказано, что заграничное путешествие показало Петру невозможность коалиции против турок и необходимость коалиции против шведов. Сильно занятый до своего путешествия мыслью об изгнании турок из Европы, Петр затем постоянно мечтает о приобретении берегов Балтийского моря (мечта эта привела Ивана Грозного к тяжелой неудаче). Соблазнительным показалось Петру предложение Августа о союзе против шведов, но он соглашался на него только принципиально, потому что не вполне надеялся на мир с турками, а турецкая война исключала возможность всякой иной.

Возвратясь в Москву, Петр хлопочет о мире с турками, чтобы не быть покинутым немцами-союзниками. В конце 1698 г. думный дьяк Возницын заключает с турками перемирие, а летом 1699 г. другой думный дьяк Украинцев на русском корабле отправлен в Константинополь для заключения мира. Но переговоры о мире затянулись почти на целый год, и это обстоятельство связывало Петру руки. Во время препирательств Украинцева с турками в Москву явились послы от Августа Саксонско-Польского, чтобы окончательно выработать условия коалиции против Швеции. Инициатором коалиции был Август, искавший союза не с одним Петром, но и с Данией. Соседние со Швецией державы желали лишить ее преобладания на Балтийском море и земель, занятых шведами на восток и юг от Балтики. Эти желания держав вдохновили шведского эмигранта Паткуля к возбуждению коалиции против его бывшего правительства. Будучи жертвой «редукции», т. е. конфискации дворянских земель, предпринятой шведскими королями с целью добить ослабевшую аристократию, Паткуль эмигрировал и желал отомстить шведскому правительству отнятием Лифляндии (родины Паткуля). Думая не без основания найти поддержку у Августа, Паткуль к нему обратился со своим планом союза против Швеции. Август ухватился за этот план, привлек к союзу Данию и отправил Паткуля в Москву привлекать Петра.

В Преображенском осенью 1699 г. происходили в глубокой тайне переговоры о союзе. Результатом их явился союзный договор Петра с Августом, по которому Петр обязывался вступить в войну со Швецией, но оставлял за собой право начать военные действия не ранее заключения мира с турками. Такое направление дал Петр своей дальнейшей политике. Можно с достоверностью сказать, что при самом начале войны со Швецией у Петра была единственная цель – завладеть берегом Финского залива, приобрести море с удобной гаванью. Союзники Петра думали эксплуатировать силы России в свою пользу, получить русские войска в свое

распоряжение и направить их для завоевания южных шведских областей на восточном берегу Балтийского моря; они не желали усиления России и боялись, что Петр будет действовать на севере в своих исключительно видах. Боязнь их была основательной; верный традициям родины, Петр немедленно после заключения договора начинает военные разведки в окрестностях Нарвы, важнейшей шведской крепости на Финском заливе (с этой целью в марте 1700 г. послан в Нарву Кормчин). Очевидно, Петр думает о приобретении ближайших к Руси балтийских берегов, а не о простой помощи союзникам.

Но, готовясь к войне, Московское правительство и сам Петр настолько искусно скрывают свои планы, что участие России в союзе против Швеции долго остается тайной. Германская и шведская дипломатия могла ловить только смутные слухи о намерении Петра объявить шведам войну, а шведский резидент в Москве (Книперкрон) усердно доносил своему правительству о миролюбии и дружеских чувствах Петра. Петр ласкал Книперкрона, обещал ему, если Август возьмет у шведов Ригу, «вырвать» ее у короля (не договаривая, в чью пользу); в то же время Петр отправил в Швецию посла кн. Хилкова с дружественными уверениями. Это было в июне 1700 г.; мир с турками еще не был заключен.

Между тем Дания и Август начали военные действия; датские войска заняли герцогство Голштейн-Готторпское, союзное Швеции; Август осаждал Ригу. На шведском престоле был молодой, 18-летний государь Карл XII, проявлявший признаки государственных способностей в меньшей степени, чем охоту к шумным забавам. Для врагов Швеции одна личность Карла представлялась уже хорошим шансом успеха. Но, узнав о нападении врагов, Карл неожиданно оставил свои мальчишества, тайно приехал к войску, переправился с ними к Копенгагену и заставил датчан заключить мир (в Травендале 8 августа 1700 г.). Дания отпала от коалиции. Август не имел успеха под Ригой. В эту-то минуту Петр начал войну, не зная еще о Травендальском мире и о том огромном впечатлении, какое произвели военные способности Карла.

18 августа Петр узнал о мире с Турцией, 19-го объявил войну и 22-го выступил с войсками из Москвы к Нарве. Петр решил трудиться для себя, а не помогать войсками союзникам. Нарва была осаждена сильным русским войском (35-40 тыс. человек). Но Петр начал кампанию под осень, погода мешала военным операциям, бездорожье оставляло войско без хлеба и фуража. Недостатки военной организации давали себя знать: хотя войска, стоявшие под Нарвой, были регулярные, нового строя, но сам Петр сознавался, что они были «не обучены», т. е. плохи. Кроме того, офицерами в большинстве были иностранцы, не любимые солдатами, плохо знавшие русский язык, а над всей армией не было одной власти. Петр поручил команду русскому генералу Головину и рекомендованному немцами французу, герцогу де Кроа. И сам Петр не отказался от распоряжений военными действиями. Было, таким образом, многоначалие. При всех этих условиях среди русских войск естественно возникала боязнь столкновения с армией Карла, покрытой лаврами недавних побед в Дании.

А Карл после разгрома Дании шел на Петра. Русские под Нарвой узнали о приближении шведов уже тогда, когда Карл был всего в 20-25 верстах. Петр немедленно уехал из войска, оставив команду де Кроа. Зная мужество и личную отвагу Петра, мы не можем объяснить его отъезд малодушием; вернее думать, что Петр считал дело под Нарвой проигранным и уехал готовить государство к обороне от шведского нашествия. 20 ноября 1700 г. Карл действительно разбил русскую армию, отнял артиллерию и захватил генералов. Петр спешил укрепить Новгород и Псков, поручил Репнину собрать остатки возвратившейся разбитой армии и ждал Карла на границах Московского государства.

Но ошибка Карла спасла Петра от дальнейших бед. Карл не воспользовался

своей победой и не пошел на Москву. Часть голосов в его военном совете высказалась за поход в Россию, но Карл близоруко смотрел на силы Петра, считал его слабым врагом – и отправился на Августа. Петр мог вздохнуть свободней. Но положение все-таки было тяжелое: армия была расстроена, артиллерии не было, поражение дурно повлияло на настроение духа внутри государства и уничтожило престиж России за границей. Рядом с дифирамбами Карлу западноевропейская публицистика разразилась градом насмешек над слабостью Москвы и Петра. Была пущена в обращение медаль, изображавшая с одной стороны осаду Нарвы и Петра, греющегося при пушечном огне (подпись взята из Библии: «бе же Петр стоя и греяся»), а с другой стороны – Петра и русских, позорно бегущих от Нарвы (подпись оттуда же: «исшед вон плакася горько»).

Под свежим впечатлением поражения у Петра мелькнула мысль искать мира, но Петр не нашел ни у кого за границей охоты помочь России и взять на себя посредничество между ней и Швецией. Однако и сам Петр недолго останавливался на мысли о прекращении войны. Он деятельно готовил новые войска; рекрутские наборы (со всех сословий) дали ему много людей, страшная энергия помогла ему устроить из них армию. Обруселому немцу Виниусу Петр поручил изготовление новых пушек. Медь, которою Московское государство было далеко не богато, доставали, между прочим, из церковных колоколов, взятых в казну. В течение года Виниус успел изготовить 300 пушек. К лету 1701 г. у Петра, таким образом, снова явились средства продолжить войну.

В феврале 1701 г. Петр близ Динабурга в местечке Биржах виделся с королем Августом, на которого теперь обратился Карл XII. Петр и Август условились продолжать борьбу со Швецией, причем Петр обязался помогать Августу войсками, отдавал ему в случае успеха Эстляндию и Лифляндию, но оставлял себе свободу действий в Ингрии и Карелии и в завоевании этих областей полагал свою конечную цель. Летом 1701 г. начались военные действия у Финского залива и в Польше. В продолжение нескольких лет Петр делил свои силы надвое: на севере он действовал за себя, в Польше помогал Августу.

На севере у Финского залива дела шли удачно для Петра. Слабые силы, оставленные Карлом для защиты Эстляндии и Лифляндии, не могли отразить русских войск. В 1701 и 1702 гг. Шереметев с большой армией опустошил эти области и два раза разбил шведского генерала Шлиппенбаха (при Эрестфере в декабре 1701 и Гуммельсгофе в июле 1702 г.). Первые победы очень радовали Петра. Сам он не принимал постоянного участия в военных действиях против шведов. Он оставил на свою долю трудное дело организации государственной защиты и военных сил. Он ездил из конца в конец по России: в Архангельске принимал меры против нападения шведов с моря; в Москве следил за общим ходом военных приготовлений; в Воронеже удостоверился, годен ли недавно сооруженный флот для защиты южных областей в случае нападения турок. Ежегодно появлялся он и на театре войны. В 1702 г. Петр из Архангельска без дорог, через леса и болота прошел до Ладожского озера и протащил с собой две яхты (следы рубленых им просек видны до сих пор). Явившись к истокам Невы и действуя с корпусом Апраксина, Петр взял здесь шведскую крепость Нотебург (древние новгородцы владели им и звали его Орешком; Петр назвал его Шлиссельбургом, т. е. ключом к морю). Весной 1703 г., после поездки в Воронеж, Петр снова явился на Неве с войсками Шереметева, взял укрепление Ниеншанц (вблизи от устьев Невы) и основал при море укрепленную гавань Петербург (в мае 1703 г.). Место было выбрано для первой русской гавани не без расчета: во-первых – восточный берег Финского залива есть ближайший к Руси пункт Балтийского поморья (о Риге Петр тогда еще не мог мечтать), а во-вторых – Нева, на которой основан был порт, представляет конец естественной системы водных путей, лежащих внутри России. Петр очень дорожил

новой гаванью и все дальнейшие военные операции на севере направлялись к тому, чтобы обеспечить обладание Петербургом. С этой целью шло систематическое завоевание южного берега Финского залива: были взяты Копорье, Ям (Ямбург), Нарва. В 1704 г. был взят самим Петром Дерпт. На Финском заливе Петр немедленно завел флот, а в новый порт приглашались иностранные корабли, чтобы тотчас начать и торговлю с Западом новым путем.

На другом театре войны, в Польше, дела шли не так удачно. Летом 1701 г. соединенные русско-саксонские войска были разбиты Карлом, который, тесня Августа в Польше, добился «детронизации» Августа и возвел на польский престол познанского воеводу Станислава Лещинского. Но многие паны держались Августа, и в Польше настало междоусобие. В 1705 г. Петр, после успехов своих на Балтийском побережье, решил поддержать Августа серьезно, чтобы не потерять с его падением и последнего союзника. Русская армия в 60 000 человек вошла в Курляндию и Польшу. Но после некоторых успехов русских Карл принудил главные силы русской армии отступить от Гродно к Киеву, и только военный талант Меншикова, берегшего солдат по приказу Петра, дал возможность русским сохранить артиллерию и боевой порядок. Саксонские же войска (с вспомогательным русским корпусом) были разбиты Карлом в Силезии. В 1706 г. неудачи продолжались: Карл напал на Августа в самой Саксонии и принудил его к заключению мира (в Альтранштадте), по которому Август отказался от польской короны и от союза с Петром (при этом Паткуль был выдан Карлу). Петр остался без союзников, в единоборстве с таким королем, который приобрел в Европе славу непобедимого.

Положение Петра представлялось ему самому крайне тяжелым: в письмах своих в то время он подписывался «печали исполненный Петр». Но и с печалью в сердце он не потерял своей энергии. Ожидая врага с юго-запада, Петр укреплял границы и в то же время старался в самой Польше найти опору против Карла и его союзника короля Станислава. Петр вошел в сношение с панами, недовольными Станиславом, и искал человека, которого можно было бы противопоставить Лещинскому в качестве претендента в короли польские. Но эти старания не увенчались успехом. После Альтранштадтского мира Карл в 1707 г. перешел в Польшу и распоряжался ею.

Только в декабре 1707 г. начал он наступление против Петра и занял Гродно (через два часа после отъезда из Гродно Петра). Русские отступали. Ясно было, что наступал кризис войны, подходили решительные минуты. Карл из Гродно мог двинуться или на север, чтобы отнять у Петра завоевания на берегах Балтийского моря, или на северо-восток, на Москву, с целью в корне подорвать силы Петра. Петр не знал, чего ждать. Москву укрепляли под руководством царевича Алексея Петровича, южная армия была поручена Меншикову, заботы о завоеванном Прибалтийском крае взял на себя Петр. Он удалился с юга в Петербург в тяжелом, угнетенном настроении духа. Болея телом и духом, тревожно ожидая развязки войны, он просил Меншикова не вызывать его из Петербурга без крайней надобности и требовал, чтобы Меншиков держался против Карла с полной осторожностью. Однако Петр скоро сам оставил Петербург и принял деятельное участие в кампании 1708 г.

Эта кампания 1708 г. далеко не была проигрышем для русских. Карл начал наступление к Москве, с боя завладел переправой через Березину (при Головчине), дошел до Могилева и ждал соединения с вспомогательным корпусом Левенгаупта, который из Лифляндии шел на помощь к королю с большими запасами продовольствия. Но благодаря стратегическим оплошностям Карла, часть его войска была поражена при м. Добром кн. М. М. Голицыным, а весь корпус Левенгаупта был наголову разбит Петром при деревне Лесной 28 сентября 1708 г. Все запасы попали в руки русских. Теперь вся надежда Карла была на Малороссию, где он рассчитывал

найти запасы и союзника в лице гетмана Мазепы. Победа при Лесной была большим успехом Петра: он называл день 28 сентября «начальным днем нашего добра», и это была правда; перевес военного счастья стал склоняться заметно на сторону Петра с этого 1708 года.

Карл и в Малороссии потерпел неудачу. Малороссия, во второй половине XVII в. присоединенная к Москве, жила до времени Петра беспокойной внутренней жизнью; в ней постоянно шло брожение, была рознь общественных классов. Задачей Москвы было уничтожение этой розни, но московские меры не всех удовлетворяли: если низшие классы малороссиян были довольны сменой польского господства на московское, то высший класс – казачья старшина – скорее желал занять место польского панства в Малороссии и сочувствовал польскому строю жизни. Вместе с тем стремление Москвы крепче взять в руки Малороссию и получить больший контроль в малорусских делах не нравилось многим малороссиянам. Малороссийские гетманы всегда были в трудном положении: с одной стороны – Москва, требующая строгого подчинения, с другой стороны – малорусское общество, требующее автономии; с одной стороны – Москва, требующая порядка, с другой – внутренний раздор, партии, стремящиеся к господству в стране. Эти обстоятельства делали гетманов жертвой самых разнообразных и противоположных влияний, происков, интриг, – и в результате «после Богдана Хмельницкого, – как говорит С. М. Соловьев, – не было ни одного гетмана в Малороссии, который бы спокойно кончил жизнь свою в гетманском достоинстве». В течение десятилетнего гетманства Мазепа не только умел держать в руках малорусское общество, но успел и в Москве заслужить редкое доверие Петра. Петр не верил многочисленным доносам на Мазепу, а сам Мазепа умел убедительно оправдываться от обвинений. Когда Карл в 1707 г. решил идти на Россию, то Мазепа был убежден, что Петру не справиться с врагом, и рассчитывал, что если Малороссия останется верной побежденной Москве, то победители Карл и Станислав Лещинский не пощадят ни Мазепу, ни Малороссию. Если же Малороссия перейдет ранее на ту сторону, чья победа вероятнее, то такой переход обеспечит в будущем и самостоятельность внутренней жизни Малороссии, и высокое положение гетмана. По этим соображениям, как объясняют наши историки, Мазепа решил отложиться от Московского государства и стал союзником Карла. При таком шаге он надеялся на сочувствие всех тех, кто был недоволен режимом Москвы. Гетман думал, что за ним пойдет вся Малороссия.

Долго вел он тайные переговоры об отпадении с польским двором и Карлом. Хотя в Москву и шли доносы об измене гетмана, но Петр им не верил, потому что верил Мазепе. Известный донос Кочубея (генерального судьи) и Искры (полтавского полковника) кончился пыткой и казнью их обоих в 1708 г. Но осенью того же 1708 года, когда Карл с войсками пошел в Малороссию, Мазепа принужден был открыть свою игру и прямо примкнуть к одному из противников. Боясь неудачи задуманного шага, Мазепа долго колебался и сказывался больным, когда получал приказания от Петра действовать против шведов. Наконец, когда притворяться было уже нельзя, он уехал из своей столицы Батурина и с отрядом казаков пристал к шведскому войску. Его измена для Петра была неожиданна, и не только для Петра, но и для массы малороссиян. Никто не мог сказать, пойдет ли Малороссия за гетманом или останется верной Руси. В таких обстоятельствах русский главнокомандующий Меншиков проявил замечательную ловкость: 29 октября 1708 г. Мазепа соединился с Карлом, а уже 31-го преданный Мазепе Батурина был взят русскими штурмом и сожжен. Центр предполагаемого восстания был уничтожен, вся Малороссия почувствовала энергию и силу русских. Через неделю в Глухове казаки избрали нового гетмана (Ивана Скоропадского); Мазепа, как изменник, был предан анафеме духовенством. Малороссия фактически оказалась в руках Петра, а малороссийские

крестьяне начали народную войну против наступавших шведов. Так неудачно окончился для Карла 1708 год.

Но шведы сохраняли престиж непобедимости и казались грозным врагом. Петр боялся, что турки воспользуются пребыванием этого грозного врага на юге Руси и начнут войну со своей стороны; на это твердо надеялся и Карл. Поэтому Петр зимой 1708/09 г. принял все меры обороны от турок, лично побывал в Воронеже и Азове, а к лету 1709 г. прибыл к армии Меншикова. Хотя в действиях против шведов Петр держался крайне осторожно, не рискуя вступать в открытые столкновения с Карлом, однако он решился открытым боем выручить осажденный шведами город Полтаву; 27 июня 1709 г. произошло знаменитое сражение при Полтаве. Эта генеральная битва кончилась полным бегством шведов на юг, к Днепру. Сам Карл успел переправиться через Днепр и уйти в Бендеры, в турецкие владения, но вся его армия у Днепра (у Переволочны) положила оружие и была взята в плен.

Полтавская победа совершенно сломила могущество Швеции: у нее не осталось армии, у Карла не стало прежнего обаяния; раньше торжествовавший над всеми врагами, а теперь разбитый Петром, он сразу передал Петру и Московскому государству то политическое значение, которым до тех пор пользовалась Швеция. И Петр сумел воспользоваться плодами победы. Естественным образом, он перенес военные операции к Балтийскому морю и в 1710 г. взял Выборг, Ригу и Ревель. Русские стали твердой ногой на Балтийском побережье, существование Петербурга обеспечивалось. В то же время вместе с военными успехами Петр сделал и большие политические успехи. Поражение Карла подняло против Швеции всех ее врагов: Дания и Саксония снова объявили Швеции открытую войну; северогерманские владетели тоже стали принимать живое дипломатическое участие в великой Северной войне, не вступая пока открыто в борьбу со Швецией. Среди всех союзников первое место теперь стало принадлежать России и Петру. Петр сделался гегемоном Северной Европы и сам чувствовал, что он сильнейший и влиятельнейший монарх Севера. Ниже мы увидим, что тревожный для союзников Петра вопрос о его неожиданной гегемонии повел к охлаждению между Петром и остальными членами коалиции. Но политическое преобладание России оставалось неизменным с 1709 г., несмотря даже на неудачи Петра в Прутском походе.

Прутский поход 1711 г. получил свое название оттого, что развязка русско-турецкой войны 1710-1711 гг. произошла на берегах реки Прут. Эта русско-турецкая война была результатом дипломатической деятельности Карла XII и дружественного ему французского двора. Карл жил в Турции после полтавского поражения, и ему не раз грозила выдача в руки Петра. Россия требовала выдачи Карла, а он доказывал туркам своевременность и необходимость для турок воевать с Петром. Результатом его настояний был дипломатический разрыв Турции с Россией. Петр объявил Турции (в ноябре 1710 г.) войну и задумал вести ее наступательно. Он рассчитывал на помощь турецких славян, на союз с вассальными турецкими владетелями (господарями) Молдавии и Валахии и на поддержку Польши. Весной 1711 г. Петр поспешил в поход, думая раньше турок завладеть Молдавией, Валахией и переправами через Дунай. Но никто из союзников не явился на помощь вовремя. Присоединение к Петру молдавского господаря Кантемира не спасло русскую армию от голода, переход через степи истомил людей. К довершению всего турки ранее перешли Дунай и на берегу Прута окружили громадными силами армию Петра. По недостатку провианта и воды (русские были отрезаны от Прута) нельзя было держаться на месте, а по сравнительной малочисленности войска невозможно было с успехом пробиваться сквозь турок. Петр вступил в переговоры о мире с великим визирем. Отправляя к нему доверенных лиц, Петр дал им полномочие для освобождения войска и заключения мира уступить Азов, все завоевания на Балтийском море (если турки потребуют этого для Карла), даже Псков; но Петр

желал, чтобы Петербург и восточный берег Финского залива оставался во что бы то ни стало в руках русских. Однако уступлено было гораздо меньше того, на что готов был Петр. Случилось так благодаря тому, что турки сами желали окончить войну, в которую были втянуты посторонними влияниями. Кроме того, делу пособили ловкость русского дипломата Шафировова и богатые подарки, посланные Петром визирю. Мир был заключен, и русская армия освобождена на таких условиях: Петр отдавал Турции Азов и некоторые укрепленные пункты близ Черного моря, отказывался от вмешательства в дела Польши (необходимо заметить, что тогда уже были проекты раздела Польши, пользовавшиеся сочувствием Петра); наконец, Петр давал Карлу свободный проезд в Швецию. Хотя Петр возвратился в Россию «не без печали», по его собственным словам, но его избавление от плена и сравнительно легкие условия мира с Турцией могли казаться даже удачей. Он дешево отделался от турок и продолжал удерживать то высокое политическое положение в кругу европейских государств, какое дала ему Полтавская победа.

После кампании 1709 г. война со шведами в общем шла вяло. Для Петра существовало два театра войны со Швецией: как сильнейший член коалиции против Карла, он участвовал в общих союзнических предприятиях на южном берегу Балтийского моря, где были шведские провинции (Померания), в то же время действовал и особо от союзников, завоевывая Финляндию.

Приобретение Финляндии для Петра казалось важным делом «двух ради причин главнейших (так писал он адмиралу Апраксину): первое – было бы что при мире уступить... другое, что сия провинция есть матка Швеции, как сам ведаешь: не только что мясо и прочее, но и дрова оттоль». В 1713-1715 гг. русские войска и флот овладели Финляндией и стали грозить самой Швеции. Таким образом, на этом театре войны Петр имел положительный успех.

Менее удачно шли дела с союзниками. Военные действия против шведов на юге от Балтийского моря были, правда, не без удач: шведы теряли свои северогерманские владения. Но дипломатические недоразумения и столкновения мешали единству союзных действий. Когда, после Прутского похода, Петр в 1711 и 1712 гг. приезжал в Германию, ему удалось теснее сблизиться с Пруссией; но прочими своими союзниками он уже был недоволен за их неискренность и неумение согласно вести войну. Но в то же самое время и дипломатия, и западноевропейская публицистика были, в свою очередь, недовольны Петром. Они ему приписывали завоевательные виды на Германию, в его дипломатах видели диктаторские замашки и боялись вступления русских вспомогательных войск в Германию. И после неудачи на Пруте Петр своим могуществом был страшен Европе.

От союза с Петром, однако, не отказывались. При участии русских союзники вытеснили шведов окончательно из их германских владений в 1715 и 1717 гг. Не помогло шведам и присутствие самого Карла, который в 1714 г. вернулся из Турции. Одновременно со взятием у шведов последней крепости в Германии (Висмара) союзники задумали высадку в самую Швецию и отдали союзные флоты под личное начальство Петра, но высадка не состоялась благодаря крупным недоразумениям между Петром и союзниками. Петр думал занять Висмар своими войсками, желая передать его герцогу Мекленбургскому, за которого выдал замуж свою племянницу Екатерину Иоанновну. Но датская и германская дипломатии воспротивились занятию Висмара, ибо видели в этом желание русских овладеть и Мекленбургом, и Висмаром. В то время (1716 г.) страх перед Петром на Западе достиг своего апогея. Петр действительно держал себя с большим чувством собственного достоинства и давал понять союзникам свои силы. Благодаря этому он стал любимым предметом политических памфлетов, которые приписывали ему самые чудовищные завоевательные планы.

Опасения прессы разделяла и дипломатия: английские дипломаты делали

представления германскому императору о необходимости удалить русских из Германии; датчане желали, чтобы Петр со своими войсками оставил Данию, где он был в 1716 г.; в Германии требовали выхода русских из Мекленбурга. Петр всюду видел страх и недоброжелательство, то скрытое, то явное. Понимая, что при таких условиях нет возможности действовать против Швеции решительно, и рассерженный недопущением русских в Висмар, Петр пришел к мысли действовать отдельно от союзников. Голштинский дипломат барон Герц взялся быть посредником между Петром и Карлом, но, пока это посредничество не привело еще к определенным результатам, Петр вступил в оживленные сношения с Францией, которая до тех пор держала сторону Швеции, а к России была враждебна, потому что Москва дружила с ее врагом – германским императором. В 1717 г. Петр предпринял даже поездку через Голландию во Францию с надеждой заключить и политический, и брачный союз с французским королем (малолетним Людовиком XV). Но пребывание Петра в Париже, представляющее любопытный эпизод в личной жизни Петра, не привело ни к чему. Он добился только обещания Франции отступить от дружеских договоров со Швецией. Возвратившись в Голландию, Петр возобновил переговоры с Герцем об отдельном мире между Швецией и Россией. На 1718 год был назначен русско-шведский конгресс на Аландских островах.

Конгресс этот состоялся (с нашей стороны были на конгрессе Брюс и Остерман). Обе стороны желали мира, но об условиях его не могли сговориться очень долго. Когда же пришли к соглашению, смерть Карла XII помешала делу. После Карла на престол Швеции была избрана его сестра Ульрика-Элеонора, и правление перешло в руки аристократии. Переговоры о мире были прерваны, и возобновилась война. Но теперь Петр стал действовать крайне решительно. Несмотря на поддержку Англии, оказанную Швеции, Петр ежегодно – в 1719, 1720 и 1721 гг. – посылал русские корпуса в самую Швецию и этим принудил шведское правительство возобновить мирные переговоры. В 1721 г. состоялся съезд русских и шведских дипломатов в Ништадте (недалеко от Або), и 30 августа 1721 г. мир был заключен. Условия Ништадтского мира были таковы: Петр получил Лифляндию, Эстляндию, Ингрию и Карелию, возвращал Финляндию, уплачивал два миллиона ефимков (голландских талеров) в четыре года и не принимал на себя никаких обязательств против прежних союзников. Петр был чрезвычайно доволен этим миром и торжественно праздновал заключение его.

Значение этого мира для Московского государства определяется кратко: Россия становилась главной державой на севере Европы, окончательно входила в круг европейских государств, связывала себя с ними общими политическими интересами и получала возможность свободного сообщения со всем Западом посредством новоприобретенных границ. Усиление политического могущества Руси и новые условия политической жизни, созданные миром, были поняты и Петром, и его сотрудниками. Во время торжественного празднования мира 22 октября 1721 г. Сенат поднес Петру титул Императора, Отца отечества и Великого. Петр принял титул Императора. Московское государство, таким образом, стало Всероссийской Империей, и эта перемена послужила внешним знаком перелома, совершившегося в исторической жизни Руси.

Русский государь, по сознанию русских современников, имел право именоваться Императором. Но западноевропейские исторические традиции, вам, конечно, известные, признавали этот титул за одним лишь Императором Священной Римской Империи (германским). Поэтому на Западе новый титул Петра не был признан сразу. Только Пруссия и Нидерланды признали его немедленно; в 1723 г. его признала Швеция; Австрия и Англия стали его признавать только с 1742 г.; Франция и Испания – и того позже, с 1745 г.

Чтобы окончить обзор внешней политики Петра Великого, следует упомянуть

об его отношениях к Востоку. Всем известно, какое важное значение играл Восток в экономическом развитии Европы, как упорно стремились европейцы узнать пути к конечной цели торговых вожделений – Индии. В XVI и XVII вв. в Москве являлись иноземцы, искавшие путей на Восток. Отчасти благодаря им, отчасти благодаря собственному торговому опыту в Москве умели ценить значение Востока и путей, туда ведущих. Петр, высоко ставивший торговлю как рычаг общественного благосостояния, не упустил из виду и торговли с Востоком. С 1715 г. он старался производить разведки о водных путях в Азии, которые вели бы к Индии (с подобными целями были посланы в 1715 г. Волынский в Персию, в 1716 г. Бекович-Черкасский в Хиву). В конце концов Петр остановился на мысли о приобретении берегов Каспийского моря как базиса для азиатской торговли. С этой целью, как только окончена была шведская война, Петр объявил войну Персии. В 1722-1723 гг. русские взяли Дербент и Баку. В начале кампании Петр сам был на театре войны, но в 1723 г. вернулся в Петербург, где и заключен был осенью того же года мирный договор с Персией, по которому Россия приобрела взятые города и все западное побережье Каспийского моря.

Внутренняя деятельность Петра с 1700 года

Эта деятельность выразилась в ряде общественных реформ, значительно изменивших древнерусский общественный быт, но, как мы уже говорили выше, не изменивших главнейших оснований государственного строя, созданного до Петра. Изложить систематически внутренние реформы Петра Великого несравненно легче, чем в стройной хронологической картине представить их постепенный ход; Петр реформировал общественное устройство и управление не по строгому, заранее составленному плану преобразований, а отрывочными постановлениями, отдельными мерами, между походами и военными заботами. Лишь в последние годы царствования, когда война уже не требовала чрезмерных усилий и средств, Петр пристальнее взглянул на внутреннее устройство и стремился привести в систему ряд одновременных отдельных мероприятий.

Невозможно, впрочем, было и ждать от Петра заранее составленного и теоретически разработанного плана преобразовательной деятельности. Его воспитание и жизнь не могли выработать в нем склонности к отвлеченному мышлению: по всему своему складу он был практическим деятелем, не любившим ничего абстрактного. И среди его сотрудников, запечатленных таким же практическим направлением, мы не видим человека, который мог бы стать автором плана общих преобразований. Правда, из-за границы предлагались Петру отвлеченные теории общественного переустройства: Лейбниц сочинил для царя проект преобразований, были и другие усердные доктринеры. Но здравый смысл преобразователя удержал его от пересадки на русскую почву совершенно чуждых ей доктрин. Если Петр и перенес на Русь коллегиальное устройство административных органов, то это потому, что везде на Западе он видел эту форму управления и считал ее единственной нормальной и пригодной где бы то ни было. Но если бы даже и была в голове Петра какая-нибудь предрешенная система преобразований, он вряд ли бы мог выполнить ее последовательно. Нужно помнить, что война со Швецией поглощала все силы царя и народа. Можно ли было при этом условии предаться систематической реформе, когда военные нужды обуславливали собой всю внутреннюю деятельность правительства?

Таким образом, Петр вел свои реформы без заранее составленного плана и сообразуясь с военными потребностями в своей деятельности. Идея общего народного блага обуславливала всю деятельность преобразователя. Войну со Швецией он предпринял с глубоким пониманием национальных интересов и в

победах искал не личной славы, а лучших условий для культурного и экономического преуспеяния Руси, – и внутреннюю деятельность свою Петр направлял к достижению народного блага. Но когда шведская война стала главным делом Петра и потребовала громадных усилий, тогда Петр поневоле отдался ей, и внутренняя деятельность его сама собой стала в зависимость от военных потребностей. Война требовала войск: Петр искал средств для лучшей организации военных сил, и это повело к реформе военной и к реформе дворянских служб. Война требовала средств: Петр искал путей, которыми бы можно было поднять платежные силы (иначе говоря, экономическое состояние) государства, и это повело к податной реформе, к поощрению промышленности и торговли, в которых Петр всегда видел могущественный источник народного благосостояния. Так, под влиянием военных нужд Петр совершил ряд нововведений; одни нововведения вызвали необходимость других, и уже тогда, когда война стала менее тяжела, Петр мог все совершенное им внутри государства привести в одну систему, закончить новое административное устройство и дать своему делу стройный вид. Таков был ход внутренней деятельности Петра. Понятно, как трудно сделать изложение его реформы в связном хронологическом перечне: этот перечень обратится в нестройный каталог отдельных указов, в несвязное описание отдельных постановлений. Для нашей цели – изучить общее содержание общественных преобразований Петра – гораздо удобнее систематический обзор реформ. Мы рассмотрим их в таком порядке: 1) меры относительно сословий; 2) меры относительно управления; 3) военное устройство; 4) меры для развития народного хозяйства и, наконец, 5) меры относительно церковного управления.

1. Меры относительно сословий. Проведенные Петром Великим меры относительно сословий многим кажутся полной реформой всего общественного строя; на самом же деле Петр не изменил основного положения сословий в государстве и не снял с них прежних сословных повинностей. Он дал только новую организацию государственным повинностям разных сословий, почему несколько изменилась и организация самих сословий, получив большую определенность. Одно только малочисленное на Руси городское сословие существенно изменило свое положение благодаря исключительным заботам Петра о его развитии. Рассмотрение законодательных мер по отдельным сословиям покажет нам справедливость высказанного положения.

Дворянство в XVII в., как мы уже имели случай показать, являлось высшим общественным классом; оно было повинно государству личной, преимущественно военной службой и в воздаяние за нее пользовалось правом личного землевладения (вотчинного и поместного); с вымиранием старого боярства дворянство получало все большее и большее административное значение; из него выходила почти вся московская администрация. Таким образом, дворяне были до Петра классом военным, административным и землевладельческим. Но как военный класс дворянство в XVII в. не удовлетворяло уже потребностям времени, потому что нестройные дворянские ополчения не могли бороться с регулярными войсками европейскими; в то же время дворянские войска отличались плохой подвижностью, медленно собирались: с успехом они могли нести только местную оборонительную службу на границах. Московское правительство поэтому стало заводить в XVII в. регулярные полки, набирая в них солдат вербовкой из «гулящих людей» (но и эти полки имели свои недостатки). В них дворянство являлось уже в качестве офицеров. Таким образом, военная повинность дворянства уже до Петра нуждалась в переустройстве. В качестве администраторов допетровские дворяне не обладали никакой специальной подготовкой и не оставались постоянно в гражданских должностях, потому что не существовало тогда и разделения должностей военных и гражданских. Если, таким образом, дворянские повинности государству

организованы были неудовлетворительно, то дворянское землевладение, напротив, чем далее, тем более развивалось. Дворяне в конце XVII в. (1676 г.) достигли права наследовать поместья по закону, как прежде наследовали их по обычаю; с другой стороны, власть помещиков над крестьянами росла более и более, – дворяне совершенно сравнивали своих крестьян с холопами, посаженными на пашню («задворные люди»).

Петр задался мыслью дать лучшую организацию службе дворян и достиг этого таким образом: он со страшной строгостью привлекал дворян к отбыванию государственной службы и, как прежде, требовал бессрочной службы, пока хватало сил. Дворяне должны были служить в армии и флоте; не более одной трети от каждой «фамилии» допускалось к гражданской службе, которая при Петре обособилась от военной. Подраставших дворян требовали на смотры, которые производил часто сам государь в Москве или Петербурге. На смотрах или определяли в тот или другой род службы, или посылали учиться в русские и заграничные школы. Первоначальное же образование сделано было обязательным для всех молодых дворян (по указам 1714 и 1723 гг.). Они должны были до 15 лет обучиться грамоте, цифири и геометрии в нарочно для того устроенных школах при монастырях и архиерейских домах. Уклонявшийся от обязательного обучения терял право жениться. Поступая на службу, дворянин делался солдатом гвардии или даже армии. Он служил вместе с людьми из низших классов общества, которые поступали по рекрутским наборам. От его личных способностей и усердия зависело выбиться в офицеры; личная заслуга выдвигала в офицеры и простого крестьянина-солдата. Ни один дворянин не мог стать офицером, если не был солдатом; но всякий офицер, кто бы он ни был по происхождению, становился дворянином. Так вполне сознательно Петр поставил основанием службы личную выслугу вместо старого основания – родовитости. Но это не было новостью, личная выслуга признавалась уже и в XVII в.; Петр дал ей только окончательный перевес, и это пополнило ряды дворянства новыми дворянскими родами. Вся масса служилых дворян была поставлена в прямое подчинение Сенату вместо прежнего Разрядного приказа, и Сенат ведал дворянство через особого чиновника «герольдмейстера». Прежние дворянские «чины» были уничтожены (прежде они были сословными группами: дворяне московские, городовые, дети боярские); вместо них появилась лестница служебных чинов (собственно, должностей), определенная известной «Табелью о рангах» 1722 г. Прежде принадлежность к известному чину обуславливалась происхождением человека, при Петре стала обуславливаться личными заслугами. Вне служебных должностей все дворяне слились в одну сплошную массу и получили общее название шляхетства (кажется, с 1712 г.).

Таким образом, служба дворян стала правильнее и тяжелее; поступая в полки, они отрывались от местности, были регулярным войском, служили без перерывов, с редкими отпусками домой, и не могли укрываться легко от службы. Изменилась, словом, организация государственной повинности дворян, но существо повинности (военной и административной) осталось прежним.

Зато прочнее стало вознаграждение за службу. При Петре уже не видим раздачи поместий служилым людям; если кому-нибудь дается земля, то в вотчину, т. е. в наследственную собственность. Мало того, законодательство Петра превратило и старые поместья в вотчины, расширив право распоряжения ими. При Петре закон уже не знает различия между поместным и вотчинным владением: оно различается только по происхождению. Кто может доказать право собственности на землю, тот вотчинник; кто помнит, что его наследственная земля принадлежит государству и отдана его предкам во владение, тот помещик. Но, превратив законом поместья в вотчины, Петр на вотчины смотрел как на поместья, считая их владениями, существующими в интересах государства. Прежде для государственной пользы не

дозволялось дробить поместья при передаче их в потомство. Теперь Петр в тех же видах распространил это правило и на вотчины. Указом 1714 г. (марта 23-го) он запретил дворянам дробить земельные владения при завещании сыновьям. «Кто имеет несколько сыновей, может отдать недвижимое одному из них, кому хочет», – говорил указ. Лишь тогда, когда не было завещания, наследовал старший сын; поэтому некоторые исследователи несколько неправильно называют закон Петра о единонаследии законом о майорате. Этот закон, соблюдавшийся дворянством относительно поместий, вызвал сильное противодействие, когда был перенесен на вотчины. Начались злоупотребления, обход закона, «ненависти и ссоры» в дворянских семьях, – и в 1731 г. императрица Анна отменила закон Петра и вместе уничтожила всякое различие вотчин и поместий. Но этим последним распоряжением она докончила лишь то, что признал Петр, за трудности службы давший дворянству больше прав на поместья.

Но помимо расширения землевладельческих прав, сделавших более прочным обладание поместьями, дворянство при Петре крепче завладело и крестьянами. Этот вопрос об отношении дворян к крестьянам приводит нас к общему вопросу о положении последних при Петре.

Мы уже видели, что созданное в XVII в. прикрепление крестьян к земле на практике в конце века перешло в личную зависимость крестьян от землевладельцев. Крестьяне, как холопы, продавались без земли. В то же время лично зависимые люди – холопы – по воле господ садились на пашню и своей жизнью и хозяйством ничем не отличались от крестьян. Правительство еще до Петра заметило таких холопов («задворных людей») и облагало их наравне с крестьянами государственными податями. Выходило так, что землевладельцы стремились сравнять крестьян с холопами, а правительство – холопов с крестьянами. Результатом этого было то обстоятельство, что и крестьяне, и холопы чрезвычайно сблизились между собой на деле, хотя строго различались по закону, Петр застал это положение и смешал крестьянство с холопством в один податной и зависимый от землевладельцев класс. На этом основании многие думают, что Петр вместо бывшего прикрепления к земле создал крепостное право на крестьян. Но предыдущее изложение показывает, что это неверно: на деле крестьянин становился в личную крепость от землевладельца еще до Петра. С другой стороны, в законодательстве Петра нет ни одного указа, отменяющего прикрепление к земле и устанавливающего крепостную зависимость личную; крестьянин и при Петре оставался гражданином.

Смешение крестьян и холопов произошло не на основании прямого об этом закона, а как следствие податной реформы Петра. До Петра прямые подати взимались или с обработанной земли, или со двора. Петр вместо поземельной и подворной подати ввел подушную. По новейшим исследованиям, это произошло так: Петр желал разместить армию на постоянные квартиры в различных губерниях и содержание полков возложить на население того округа, где стоял полк. Для этого признано было нужным высчитать сумму, необходимую для содержания полка, перечислить всех податных лиц в округе и рассчитать, сколько каждое лицо повинно было внести денег на содержание войска. С 1718 по 1722 г. производилась перепись податного населения и ее поверка – «ревизия»; сперва писали крестьян и холопей пахотных, потом стали писать в «сказки» и непахотных зависимых людей; наконец, стали записывать и «гулящих» (не приписанных к сословиям) людей. Эта перепись получила официально название ревизии, а переписанные люди носили название «ревизских душ». Всякая ревизская душа облагалась одинаковой податью, а ответственность в исправном поступлении подати возлагалась на землевладельца. Таким образом землевладелец получал совершенно равную власть и над крестьянином, и над холопом. Здесь и заключалось основание последовавшего за

этим фактического уравнивания крестьян с холопами. Но по закону крестьянин рабом не становился; владельческие крестьяне сохраняли гражданские права: за ними закон признавал гражданскую правоспособность и дееспособность, они могли даже вступать с казной в подряды и договоры. В глазах законодателя и холопы уравнивались с крестьянами. Но на практике податная ответственность землевладельца за крестьян и право суда над крестьянами, оба эти явления, существовавшие помимо закона; по обычаю, давали помещикам такую власть над крестьянином, что в их глазах крестьянин становился равным холопу. Уже при Петре началась продажа крестьян без земли не только семьями, но и в розницу, и Петр напрасно прилагал старания прекратить этот обычай.

Таким образом, при Петре, как и ранее, закон понимал крестьян как граждан и в то же время холопов стремился привести в одно положение с крестьянами под общим термином «подданных» шляхетства. Но шляхетство, получая от правительства власть над «подданными», смотрело на крестьян, как на холопов, и на практике обращалось со всеми своими «подданными», как с холопами. Стало быть, новых начал в положение крестьян владельческих при Петре внесено не было. Новостью являлась при Петре лишь система подушной подати, заменявшая древнее прикрепление к земле началом личной (податной) зависимости крестьянина от землевладельца. Но эта личная зависимость существовала и в XVII в. уже до Петра.

Не одни владельческие крестьяне составляли крестьянское сословие. Кроме них в качестве податного класса граждан при Петре существовали: 1) крестьяне черные или черносошные, жившие на государственных черных землях и оставшиеся при Петре в том же свободном состоянии, в каком были ранее; 2) крестьяне монастырские, при Петре изъятые из управления монастырей и переданные в казенное управление, а потом в ведение Синода (впоследствии они получили название экономических, потому что были переданы в коллегию экономии); 3) крестьяне дворцовые, обязанные различными повинностями ведомству двора государева; 4) крестьяне, приписанные к фабрикам и заводам; этот разряд крестьян создан был указом Петра 1721 г., которым разрешалось владельцам фабрик (и дворянам, и недворянам) покупать деревни и людей к фабрикам; наконец, 5) однодворцы – класс измелъчавших служилых землевладельцев, когда-то поселенных по южным, преимущественно, границам Московского государства для их защиты. При Петре они были записаны в ревизские «сказки», платили подушные подати, но сохраняли право личного землевладения и владения крестьянами.

Городское сословие, состоявшее в XVII в. из торговых людей (купечества) и посадских (городских податных обывателей), было замкнуто лишь в половине XVII в. и было ничтожно своей численностью и промышленной деятельностью. Петр же в городском торгово-промышленном классе видел, по примеру западных меркантилистов, главный фактор народного богатства. Понятно, какие старания должен был он приложить к тому, чтобы поднять городской класс до желаемой степени развития. Его меры для поднятия русской промышленности и торговли мы увидим в своем месте; в глазах Петра к такому поднятию должна была вести и правильная организация городского сословия, которая позволила бы городам преуспевать в торговле и промышленности. Еще в 1699 г. он дал городам самоуправление, но Бурмистерские палаты не создали никакой организации сословию, их избиравшему. Этой организации города достигли лишь в конце царствования Петра.

Руководясь западноевропейскими формами городского устройства, Петр в начале 1720 г. учредил в Петербурге Главный Магистрат, которому поручил ведать городское сословие повсеместно, и дал Магистрату в следующем году регламент, в котором изложены были основания городского устройства. Города разделялись по числу жителей на 5 классов; граждане каждого города – на два основных класса:

граждан регулярных и нерегулярных.

Регулярные граждане делились на две гильдии: к первой гильдии принадлежали банкиры, купцы, доктора и аптекари, шкиперы, живописцы и ювелиры, художники и ученые. Вторую гильдию составляли мелкие торговцы и ремесленники, объединенные в цехи.

Нерегулярными гражданами были «подлые», т. е. низкого происхождения люди (чернорабочие, наймиты, поденщики).

Лица иных сословий (духовные, дворяне, крестьяне), живущие постоянно в городе, в число граждан не входили, только «числились в гражданстве» и не участвовали в городском самоуправлении.

Городом управляла выборная коллегия – магистрат. Ее избирали из своей среды только регулярные граждане. Подлые же люди избирали своих старост, представлявших их интересы в магистрате. Магистрат, подчиненный Главному Магистрату, ведал хозяйство города, смотрел за порядком. Главной его целью было развитие торговли и промыслов; в его руках находилась большая власть. Под ведением магистрата было цеховое управление: во главе каждого ремесленного цеха стоял старшина (альдерман), выбранный из мастеров; на его руках было управление цеховыми делами. На звание мастера-ремесленника нужно было сдавать экзамен; без экзамена нельзя было открыть никакого производства.

Дав городскому сословию стройную организацию, Петр не только оставил ему все старые льготы, какими пользовались горожане до него, но дал и новые. Регулярные граждане хотя и сохранили характер тяглого сословия, но были избавлены от обязательной рекрутской повинности; в 1722 г. Петр снял с горожан и личную службу по казенным надобностям, которой горожане тяготились до Петра; наконец, горожане получили право владеть крепостными людьми и землей наравне с дворянством, если были фабрикантами или заводчиками. Таким образом, Петр создал городскому сословию довольно привилегированное положение. Он внес в городской быт совершенно новую организацию. Но новы были и здесь только формы; благосклонное же отношение правительства к горожанам заметно и в XVII в., особенно во второй его половине.

Итак, обзор сословных реформ показывает нам, что Петр многое изменил в сословной жизни и отношениях. Шляхетство стало правильнее служить и получило лучшее обеспечение за свою службу; крестьянство слилось с холопством в одну податную категорию и, не теряя гражданской личности, стало под личную власть помещика; горожане получили организацию, право самоуправления и некоторые привилегии. Внешние формы общественных отношений очень изменились; но в существе общественный строй остался старым; государство сохранило свой земледельческий и военный характер, дворянство – свое высокое административное и экономическое положение, крестьяне по-прежнему относились к государству через землевладельца, а городскому сословию по-прежнему принадлежала далеко не главная роль в развитии народного хозяйства.

2. Меры относительно управления. Административные реформы Петра развивались так же, как и сословные меры, без строгой системы, путем частных нововведений в центральном и местном управлении. Однако легко можно заметить, что сперва внимание Петра было занято преимущественно переустройством областных учреждений, а затем перешло на организацию центрального управления. Это видно уже из простого хронологического перечня крупных установлений Петра в сфере администрации. В 1702 г. произошло уничтожение старых губных старост и замена их воеводами, управлявшими совместно с присутствием из выборных (от уезда) дворян; в 1708 г. последовало деление России на губернии (губернии делились на уезды), во главе которых были поставлены губернаторы. При них в качестве советников и помощников были учреждены с 1713 г. ландраты (выборные

от дворян); кроме ландратов дворяне в каждом уезде для управления уездом избирали земского комиссара. В 1719 г. ландраты были уничтожены, но земские комиссары остались; государство было поделено вновь на 12 губерний, губернии – на провинции, а провинции – на уезды. Таким образом, если мы вспомним знакомые нам бурмистерские палаты 1699 г. и городские магистраты 1720 г., то скажем, что Петр во все время своей деятельности трудился над переустройством местного управления. Крупные же реформы в центральном управлении начались лишь с 1711 г. В этом году был учрежден Сенат. В 1718 г. устроены коллегии; в 1721 г. окончательно установлена должность генерал-прокурора. Так, заботы о местной администрации шли впереди забот о центральной администрации. Существует поэтому мнение, что Петр желал всю тяжесть управления перенести из центра государства в области, но, потерпев неудачу вследствие недостатка в областях способных людей, обратился к устройству центральных органов администрации, которым подчинил все местные учреждения и передал все стороны государственного управления.

В систематическом изложении созданная Петром администрация представится в таком виде.

Во главе всего управления с 1711 г. стоит Сенат. Около 1700 г. старая Боярская дума исчезает как постоянное учреждение и заменяется ближней канцелярией государя, в которой, как в старину, происходит иногда совещание бояр. Во время своих беспрестанных поездок ведение государственных дел в Москве Петр поручал не учреждению, а нескольким доверенным лицам из старых думных чинов (Петр никому не давал этих чинов, но и не отнимал их у имевших) и лицам новых чинов и званий. Но в 1711 г., отправляясь в Прутский поход, Петр вверяет государство не лицам, а вновь основанному учреждению. Это учреждение – Сенат. Его существование, как объявлял сам Петр, вызвано именно «отлучками» государя, и Петр повелевал всем слушаться Сената, как его самого. Таким образом, миссия Сената первоначально была временной. Он заменял собой: 1) старые думские комиссии, назначаемые для того, чтобы в отсутствие государя «Москву ведать», и 2) постоянную «Расправную палату», бывшую как бы судебным департаментом Боярской думы. Но с возвращением Петра к делам Сенат не был упразднен, а стал постоянным учреждением, в организации которого при Петре замечают три фазиса. С 1711 до 1718 г. Сенат был собранием лиц, назначенных специально для присутствия в нем; с 1718 по 1722 г. Сенат делается собранием президентов коллегий; с 1722 г. Сенат получает смешанный состав, в него входят некоторые президенты коллегий (военной, морской, иностранной) и в то же время в нем есть сенаторы, чуждые коллегиям.

Ведомство Сената состояло в контроле над администрацией, в разрешении дел, выходящих из компетенции коллегий, и в общем направлении административного механизма. Сенат был, таким образом, высшим административным органом в государстве. Ему, в последние годы Петра, присвоена была и судебная функция: Сенат стал высшей судебной инстанцией. Относительно того, присуща ли была Сенату законодательная деятельность, существуют разные оттенки взглядов. Одни (Петровский «О Сенате в царствование Петра Великого») полагают, что Сенат в первое время имел законодательную власть и иногда даже отменял указы самого Петра. Другие (Владимирский-Буданов в критической статье «Учреждение Правит. Сената») доказывают, что законодательная функция никогда Сенату не принадлежала. Но все признают, что Петр, видоизменяя положение Сената в 1722 г., лишил его законодательной власти; ясно, что Петр рядом с собою, как с единственным источником законодательной власти в государстве, не мог поставить собрания с законодательными правами. Поэтому, если и признавать за Сенатом законодательную функцию, то следует считать ее случайным и исключительным

явлением.

От разницы представлений о компетенции Сената зависит и разница в представлениях о государственном значении его. Одни считают Сенат безусловно высшим учреждением в государстве, объединяющим и направляющим всю администрацию и не знающим над собой иной власти, кроме государственной (Градовский, Петровский). Другие полагают, что, контролируя и направляя администрацию, Сенат сам подвергался контролю и зависел от «верховных господ министров» (т. е. приближенных к Петру лиц, управляющих войсками, флотом и иностранными делами) и от генерал-прокурора, представителя особы государя в Сенате (Владим.-Буданов, Дмитриев).

Должность генерал-прокурора, учрежденная в 1722 г., должна была, по мысли Петра, служить связью между верховной властью и центральными органами управления и средством для контроля над Сенатом. Петр испытал много средств контроля: сперва за Сенатом смотрел генерал-ревизор (1715), затем в Сенате дежурили, с целью ускорения дел и охранения порядка в заседаниях, штаб-офицеры гвардии (1721); средством контроля были и обязательные протоколы заседаний; наконец, была учреждена прокуратура. Генерал-прокурор докладывал государю дела Сената, а Сенату передавал волю государя; он мог остановить решение Сената; указы Сената получали силу только с его согласия; он следил за исполнением этих указов (иначе говоря, за всей администрацией); он, наконец, начальствовал над канцелярией Сената. Под его прямым начальством действовали и другие агенты правительственного надзора: обер-прокуроры и прокуроры при коллегиях и в губерниях (параллельно с ними действовали и лица тайного надзора – обер-фискалы и фискалы). Такое значение генерал-прокурора сделало его самым властным лицом во всей администрации, тем более что первый генерал-прокурор Ягужинский, человек способный и деятельный, умел сообщить своей должности необыкновенный престиж. Современники считали генерал-прокурора начальником Сената и первым лицом в империи после монарха. Такой взгляд разделяется и теперь теми, кто склонен принижать значение Сената. Напротив, некоторые (Градовский в своей книге «Высшая администрация России XVIII в. и генерал-прокуроры») думают, что, сливаясь с Сенатом в органическое целое и вне Сената не имея никакого значения, генерал-прокурор только поднимал еще выше государственное значение самого Сената.

Под ведением Сената стоял ряд центральных учреждений, известных под названием коллегий; они были учреждены в 1718 г. и окончательно сформированы в 1720 г. Коллегии заменили собой старые приказы. С учреждением Сената, мало-помалу усваивавшего себе функции главнейших приказов, эти последние (напр., Разряд) заменялись «столами» Сената; мелкие же приказы превращались в канцелярию и конторы разных наименований и сохраняли прежнюю организацию. Приблизительно с 1711 г. Петр задумал устроить центральное управление по западноевропейским образцам. Вполне сознательно он желал перенести на Русь шведское коллегиальное устройство. Коллегиальную систему рекомендовал ему и теоретик Лейбниц. За границу были посланы люди для изучения бюрократических форм и канцелярской практики; из-за границы выписывали опытных канцеляристов, чтобы организовать с их помощью новые учреждения. Но этим иностранцам Петр не давал в коллегиях начальнического положения, и они не поднимались выше вице-президентов; президентами же коллегий назначались русские люди.

С 1719 г. коллегии начали свою деятельность, и каждая сама для себя составляла устав, определявший ее ведомство и делопроизводство (эти уставы получили название регламентов). Всех коллегий учреждено было двенадцать: 1) Коллегия иностранных дел, 2) Коллегия военная, 3) Коллегия адмиралтейская (морская), 4) Штатс-коллегия (ведомство расходов), 5) Камер-коллегия (ведомство

доходов), 6) Юстиц-коллегия (судебная), 7) Ревизион-коллегия (финансовый контроль), 8) Коммерц-коллегия (торговая), 9) Мануфактур-коллегия (промышленность), 10) Берг-коллегия (горное дело), 11) Вотчинная коллегия (промышленность), 12) Главный Магистрат (городское управление). Последние три коллегии образованы были позже остальных. Вновь основанные учреждения не заменили, однако, всех старых приказов. Приказы продолжали существовать или под именем канцелярий, или под прежним именем приказов (Медицинская канцелярия, Сибирский приказ).

Коллегии были подчинены Сенату, который посылал им свои указы; в свою очередь, местные органы управления были ниже коллегий и повиновались им. Но, с одной стороны, не все коллегии одинаково подчинялись Сенату (военная и морская были самостоятельнее прочих); с другой стороны, не все коллегии имели отношение к областным органам управления. Над провинциальными властями, в качестве прямой высшей инстанции, стояли только Камер – и Юстиц-коллегии и Главный Магистрат. Таким образом, и центральные, и местные органы управления не представляли строгой и стройной иерархии.

Каждая коллегия состояла, как и приказ XVII в., из присутствия и канцелярии. Присутствие состояло из президента, вице-президента, советников, ассессоров и 2 секретарей, которые были начальниками канцелярии. Всего в присутствии было не более 13 человек, и дела решались большинством голосов.

Всматриваясь в различия между коллегиями и старыми приказами, мы видим, что система коллегий значительно упростила прежнюю путаницу ведомств, но не уничтожила того смещения личного начала с коллегиальным, которое лежало в основании прежнего центрального управления. Как в приказах при их коллегиальной форме личное начало выражалось деятельностью властного председателя, так и в коллегиях влиятельные президенты и приставленные к коллегиям для общего контроля прокуроры нарушали коллегиальный строй своим личным влиянием и на деле заменяли иногда коллегиальную деятельность единоличной.

Областное управление, много раз изменяясь в своих частностях, приняло в 1719 г. следующие окончательные формы. Вся Россия была поделена на губернии, губернии – на провинции, провинции – на уезды. Во главе губернии стоит губернатор; во главе провинции, по общему правилу, – воевода или вице-губернатор; в уездах финансовое и полицейское управление возложено на земских комиссаров, которые отчасти назначались Камер-колlegией, отчасти же избирались дворянами-землевладельцами в уездах. При Петре Великом были попытки отделить суд от администрации (мысль для этой эпохи замечательная); но эти попытки не увенчались успехом, и с 1722 г. администрация снова участвует в деле суда. В каждой губернии был надворный суд под председательством губернатора; в каждой провинции действовал провинциальный суд под председательством воеводы.

Все эти местные учреждения, бывшие в большинстве единоличной, а не коллегиальной властью, касались лишь дворян и через их посредство – подчиненных им крестьян; стало быть, земское представительство, введенное в областную администрацию в виде ландратов и комиссаров, не было общеземским, а было сословным; в уезде оно было дворянским, в городах – гильдейским и цеховым, как мы это видели в обзоре городского устройства. Такой же характер единоличного управления с участием сословного представительства носила администрация и до Петра, как мы это уже видели.

Вся масса вновь созданных при Петре учреждений не стояла в такой строгой иерархической системе, как учреждения древней Руси. Прежде, в XVII в., все в уезде было в зависимости от воеводы, воевода был в зависимости от приказа, приказ – от Боярской думы. В петровских учреждениях такого цельного иерархического порядка

нет: губернаторы, завися от коллегий, в то же время находятся в непосредственных отношениях к Сенату; городские магистраты хотя и находятся в некоторой зависимости от губернаторов, но подчинены Главному Магистрату. С достаточным основанием можно считать, что в прямом подчинении Сенату находились не одни коллегии, но и вся областная администрация, городская и губернская. Таким образом Сенат объединял и контролировал различные отрасли управления. Элементами, связавшими всю администрацию и служившими для контроля, были фискалы (контролеры финансовые и отчасти судебные) и прокуроры (органы открытого надзора); они состояли при всех учреждениях и были подчинены генерал-прокурору, бывшему как бы связью между государем и Сенатом, а также органом верховного контроля. Такова была в общих чертах система петровской администрации.

В ней новы все учреждения и по именам, и по внешней организации; ново стремление законодателя разграничить ведомства, ввести деятельный контроль; новым представлялась Петру и коллегиальная система, о введении которой он так старался. Но исследователи замечают, что при всей новостности форм и при том условии, что новые формы администрации были явно не национальны и пахли иноземным духом, учреждения Петра все-таки стали очень популярны на Руси в XVI в. Объясняют это тем, что в администрации Петра «старая Россия вся сказалась в преобразовательных учреждениях». И в самом деле, основания административной системы остались прежние: Петр оставил все управление России в руках почти исключительно дворянских, а дворянство и в XVII в. несло на себе всю администрацию; Петр смешал в администрации коллегиальное начало с единоличным, как было и раньше; Петр, как прежде, управлял «системою поручений», приказав администрацию Сенату, с генерал-прокурором. Так при новых формах осталась старая сущность (см. Градовского «Высшая администрация России в XVIII в. и генерал-прокуроры»).

3. Военное устройство. Московское правительство XVII в. располагало сотнями тысяч вооруженного люда и вместе с тем ясно сознавало отсутствие правильной организации и боевой готовности своих войск, о недостатках дворянского ополчения, малоподвижного" и лишённого правильной военной подготовки, мы уже говорили. Упоминали мы и о том, что уже в XVII в. в Москве старались устроить правильные войска, увеличивая число стрелецких полков и образуя полки «иноземного строя» (солдатские, рейтарские, драгунские) из людей разных общественных состояний. С помощью иностранных офицеров достигнуты были большие результаты; солдатские полки ко времени Петра выросли уже до размеров внушительной военной силы. Однако и у стрелецких, и у регулярных полков был один крупный, с военной точки зрения, недостаток: и стрельцы (в большей степени), и солдаты (в меньшей степени) были не только военными людьми, занимались не одной службой. Поселенные на казенных землях, имея право жениться и заниматься промыслами, солдаты, и особенно стрельцы, стали полувоенным, полупромышленным сословием. При таких условиях их боевая готовность и военные качества не могли быть высокими.

Петр видоизменил организацию войск. Воспользовавшись старым военным материалом, он сделал регулярные полки господствующим, даже исключительным типом военной организации (только малороссийские и донские казаки сохранили старое устройство). Кроме того, изменив быт солдат, он иначе, чем прежде, стал пополнять войска. Только в этом отношении он и может считаться творцом новой русской армии. Давая ему такое название, мы должны помнить, что регулярная армия (совершенная или нет, другой вопрос) создавалась уже в XVII в.

Петр привязал солдата исключительно к службе, оторвав его от дома и промысла. Воинская повинность при нем перестала быть повинностью одних

дворян, стрелецких и солдатских детей, да «гулящих» охотников. Повинность эта легла теперь на все классы общества, кроме духовенства и граждан, принадлежащих к гильдиям. Дворяне все обязаны были служить бессрочно солдатами и офицерами, кроме немощных и командированных в гражданскую службу. С крестьян же и горожан производились правильные рекрутские наборы, которые в начале шведской войны были очень часты и давали Петру громадные контингенты рекрут. В 1715 г. Сенат постановил, как норму для наборов, брать одного рекрута с 75 дворов владельческих крестьян и холопов. Вероятно, такая же приблизительно норма была и для казенных крестьян и горожан. Рекруты из податных классов в войсках становились на одинаковом положении с солдатами-дворянами, усваивали одинаковую военную технику, и вся масса служащего люда составляла однородное войско, не уступавшее своими боевыми качествами лучшим европейским войскам.

Результаты, достигнутые в этом отношении крайне энергичною деятельностью Петра, были блестящи: в конце его царствования русская регулярная армия состояла из 210 000 человек. Кроме того, было около 100 000 казачьих войск. Во флоте числилось 48 линейных кораблей, 787 галер и мелких судов и 28 000 человек.

4. Меры для развития народного хозяйства. Заботы о народном хозяйстве в деятельности Петра Великого всегда занимали очень видное место. Признаки таких забот мы замечаем и в XVII в. И предшественники Петра были озабочены поднятием экономического благосостояния Руси, расшатанного смутой. Но до Петра не было достигнуто никаких результатов в этом отношении. Государственные финансы, бывшие для московского правительства верным показателем народного благосостояния, и до Петра, и в первое время его царствования были в неудовлетворительном положении. Петр нуждался в деньгах и должен был изыскивать новые источники государственных доходов. Забота о пополнении государственной казны постоянным бременем лежала на нем и привела Петра к той мысли, что поднять финансы страны возможно только путем коренных улучшений народного хозяйства. Путь к таким улучшениям Петр видел в развитии национальной промышленности и торговли. К развитию торговли и промышленности он и направлял всю свою экономическую политику. В этом отношении он отдавал дань идеям своего века, создавшим на Западе известную меркантильно-покровительственную систему. В стремлении Петра создать на Руси торговлю и промышленность и этим указать народу новый источник богатства заключалась новизна экономических мер Петра. До него в XVII в. только немногие личности (Крижанич, Ордин-Нащокин) мечтали под влиянием западноевропейской жизни об экономических реформах на Руси. Само правительство, издавая Новоторговый устав 1667 г., высказывало мысль о важном значении торговли в государственной жизни. Но сознанная потребность не повела за собой почти никаких практических мер к ее удовлетворению до времени преобразований.

Трудно сказать, когда именно явилась у Петра мысль о необходимости развивать на Руси промышленно-торговую деятельность. Всего вероятнее, что он усвоил ее уже в первое заграничное путешествие. Уже в 1699 г. он заботился о торговом и промышленном классе (Бурмистерские палаты), а в замечательном манифесте 1702 г., которым Петр вызывал в Россию иностранцев, ясно выражена уже мысль о громадном значении в государственной жизни торговли и промышленности. Стечением времени Петр все определеннее и энергичнее шел к поставленной цели, сделав ее одной из главных задач своей внутренней деятельности. Мы видим ряд многообразных мер преобразователя, направленных к развитию экономической жизни. Изложение их заняло бы слишком много времени, и мы ограничимся перечислением важнейших из них:

а) Петр постоянно предпринимал разведки с целью узнать лучше те природные богатства, которыми обладала Россия. При нем было найдено много таких богатств:

серебряные и другие руды, вызвавшие развитие горнозаводского промысла; селитра, торф, каменный уголь и т. д. Так Петр создавал новые виды промышленно-торгового труда.

б) Петр всячески поощрял развитие промышленности. Он вызывал иностранцев-техников, ставил их в превосходное положение в России, давал массу льгот с одним непременным условием: учить русских своему производству. Он посылал русских за границу для изучения разных отраслей западной промышленности. И дома, в цехах, мастера должны были правильно обучать своих учеников. Пользу технического образования и самой промышленности Петр усиленно доказывал в своих указах. Предпринимателям он давал всякие льготы; между прочим, право владеть землей и крестьянами. Иногда же правительство само являлось инициатором в том или другом роде производства и, основав промышленное дело, сдавало его в эксплуатацию частному лицу. Но, создавая льготное положение для промышленников, Петр надо всей промышленностью учредил строгий надзор и следил как за добросовестностью производства, так и за тем, чтобы оно согласовалось с видами правительства. Такой надзор нередко переходил в мелочную регламентацию производства (точно была определена, например, обязательная ширина холста и сукон), но клонился в общем к пользе промышленности. Результаты мер Петра в отношении промышленности выразились в том, что в России при Петре основалось более 200 фабрик и заводов и положено было начало многим отраслям производства, существующим в наши дни (горное дело и пр.).

в) Петр поощрял всеми мерами русскую торговлю. Как в отношении к промышленности, так и в отношении к торговле Петр держался покровительственной системы, стремясь развить торговлю настолько, чтобы вывоз из России товаров превышал ввоз их из других стран. Как Петр стремился путем указов объяснить подданным пользу развития промыслов, так старался он возбудить в них и торговую предприимчивость. По выражению одного исследователя; при Петре «престол часто обращался в кафедру», с которой монарх объяснял народу начала общественного прогресса. Такую же регламентацию, какая прилагалась к промышленному делу, Петр прилагал и к делу торговли. Он настойчиво рекомендовал торгующему люду составлять торговые компании на манер западноевропейских. Построив Петербург, он искусственно отвлекал товары от Архангельского порта к Петербургскому. Заботясь о том, чтобы русские купцы сами торговали за границей, Петр стремился завести русский торговый флот. Не надеясь на скорые торговые успехи малочисленного городского сословия, представлявшегося Петру «рассыпанной храминой», он привлекал к торговле и прочие классы населения. Он доказывал, что и дворянину можно без позора заниматься торговыми и промышленными делами. Понимая значение путей сообщения для торговли, Петр спешил соединить свою новую гавань Петербург с центром государства водными путями, устроил (в 1711 г.) Вышневолоцкий канал, а после Ладожский.

Однако Петр не дождался результатов своей торговой политики. Оживилась внутренняя торговля, устроились кое-какие внутренние торговые компании, явился даже русский купец (Соловьев), торговавший в Амстердаме; но в общем дело внешней русской торговли не изменилось заметно, и русский вывоз оставался преимущественно в руках иностранцев. Не было заметных успехов и в торговле с Востоком, которая очень занимала Петра. Однако при отсутствии резких изменений в торговой жизни Руси оживление торговли произошло уже на глазах Петра, и он до конца не бросал своих надежд.

Но, заботясь об увеличении народного благосостояния, Петр не мог выжидать, пока улучшение народного хозяйства естественным путем увеличит

государственные доходы. Война требовала больших средств. Потребности государственной казны становились, таким образом, в коллизию с интересами народного хозяйства. Петр против желания был вынужден увеличивать доходы казны и все более эксплуатировал платежные силы народа, создавая новые налоги и строже взыскивая старые подати. Поэтому, несмотря на постоянные заботы Петра об увеличении народного благосостояния, экономическое положение народа очень терпело от финансовых мер правительства. По мнению податного народа, при Петре стало тяжелее жить: «Тягота на мир, рубли да полтины, да подводы». И по соображениям исследователей, при Петре подати были увеличены значительно. К увеличению податных тягостей присоединились злоупотребления администрации, взимавшей подати. Хотя Петр жестоко карал за эти злоупотребления, однако совсем прекратить их не мог. Народ от государственных тягот или уходил в казаки, или брел в пределы Польши, и побеги при Петре приняли большие размеры.

Но государственные доходы Петру все-таки удалось значительно увеличить. Это было достигнуто путем увеличения косвенных налогов и реформы прямой подати. Что касается до косвенных налогов, то Петр не только не уменьшил старых платежей, но нашел еще и новые предметы обложения. После 1700 г. соляные промыслы, пчельники, рыбные ловли, мельницы стали оброчными статьями государственной казны. Система казенных монополий (например, питейной и табачной) процветала при Петре и была связана с системой откупов. Нуждаясь в средствах, Петр изобретал иногда странные, с нашей точки зрения, налоги: пошлиной были обложены бороды «бородачей», которые не желали бриться; пошлины брали с бань; очень высокую цену брали за дубовые гробы, продажа которых стала казенной монополией. Раскольники должны были нести двойной податный оклад; таким образом, не только реальные потребности, но и предметы нравственного порядка стали источником казенного дохода. При Петре была создана особенная должность «прибыльщиков», на обязанности которых лежало наблюдение за правильным поступлением в казну доходов и взыскание новых предметов обложения (из таких прибыльщиков особенно заметен Курбатов, впоследствии бывший Архангельским вице-губернатором: он предложил ввести гербовую бумагу). В 1710 г. у Петра явилась мысль даже об общем и постоянном подоходном налоге, не приведенная, однако, в дело. Косвенные налоги при Петре, насколько можно судить по некоторым данным, составляли больше половины доходов государства.

Другую половину (около 5 млн. руб.) доставляла прямая подушная подать. Ее установление мы уже рассмотрели. В первую податную ревизию было записано около 6 000 000 душ. Из них каждый помещичий крестьянин платил 70 коп. в год, крестьянин государственный – 114 коп., горожанин – 120 коп. По расчету (который можно произвести лишь приблизительно) подушная подать была гораздо тяжелее прежних подворных и поземельных податей и давала правительству гораздо большую, сравнительно со сборами XVII в., сумму.

Благодаря своим финансовым мерам Петр увеличил значительно сумму государственного дохода. В самом конце XVII в. доходы государства немного превосходили 2 000 000 руб.; в 1710 г. казна получила 3 134 000 руб. По исчислению 1722 г., доходы возросли уже до 7 850 000 руб., по исчислению же 1725 г. – до 10 186 000 руб.¹ Громадные дефициты первых лет XVI в. уменьшились к концу царствования Петра, хотя и на склоне своих лет он все еще не переставал нуждаться

¹ Чтобы правильно понять соотношение этих цифр, надобно знать, что в первые годы XVIII в. Петр «испортил» монету – с целью увеличения правительственных средств. Ранее «ефимок» (талер) равнялся в среднем русской полтине; Петр из талера чеканил целый рубль (с надписью «монета новая» или «монета добрая» – «цена рубль»), а полтину чеканил в полталера. Таким образом, количество серебра в рубле уменьшилось вдвое, а соответственно понизилось и достоинство рубля.

в деньгах.

Итак, экономическая и финансовая политика Петра привела к различным результатам. Руководимый мыслью улучшить обстановку и расширить сферу деятельности народного труда, Петр был поставлен в трудное положение: финансовые интересы страны прямо противоречили экономическим потребностям населения. Стараясь поднять экономическое благосостояние народа, Петр в то же время был вынужден сурово эксплуатировать его платежную способность. Военные и другие нужды государства требовали немедленного удовлетворения, немедленных и усиленных сборов, а экономическое положение народа можно было поднять лишь продолжительными усилиями. Вот почему Петр добился более осязательного результата в том, что требовало скорого решения, – в финансах; между тем как в деле экономических реформ он успел посеять только семена плодотворных начинаний и почти не видел их всходов, напротив, чувствовал, что его финансовые меры иногда еще более расстраивают то самое народное хозяйство, процветания которого он искренно и сильно желал.

При всех неудачах в этой сфере Петр сделал, однако, большой шаг вперед сравнительно со своими предшественниками; в XVII в. только смутно чувствовали необходимость экономической реформы и лишь немногие люди сознавали, по какому пути она должна идти. Петр сделал эту реформу одной из главных задач правительственной деятельности, ясно поставил вопрос и указал, где и как надо искать его разрешения. В этом его большая заслуга.

5. Меры относительно церковного управления. Эпоха Петра Великою в жизни русской церкви полна историческим содержанием. Во-первых, уяснилось и приняло новые формы как отношение церкви к государству, так и церковное управление. Во-вторых, внутренняя церковная жизнь была отмечена борьбой богословских взглядов (например, знакомый нам спор о пресуществлении между великорусским и малорусским духовенством и другие несогласия). В-третьих, оживилась литературная деятельность представителей церкви. В своем изложении мы коснемся только первого из указанных пунктов, потому что второй имеет специальный церковно-исторический интерес, а третий рассматривается в истории литературы.

Рассмотрим сперва те меры Петра, которыми устанавливались отношения церкви к государству и общий порядок церковного управления; затем перейдем к частным мерам относительно церковных дел и духовенства.

Отношение церкви к государству до Петра в Московском государстве не было точно определено, хотя на церковном соборе 1666-1667 гг. греками было принципиально признано главенство светской власти и отрицалось право иерархов вмешиваться в светские дела. Московский государь считался верховным покровителем церкви и принимал активное участие в церковных делах. Но и церковные власти призывались к участию в государственном управлении и влияли на него. Борьбы церковной и светской властей, знакомой Западу, Русь не знала (не было ее, строго говоря, и при Никоне). Громадный нравственный авторитет московских патриархов не стремился заменить собой авторитет государственной власти, и если раздавался со стороны русского иерарха голос протеста (например, митрополита Филиппа против Ивана IV), то он не сходил никогда с нравственной почвы.

Петр вырос не под таким сильным влиянием богословской науки и не в такой благочестивой обстановке, как росли его братья и сестры. С первых же шагов своей сознательной жизни он сошелся с «еретиками немцами» и, хотя остался православным по убеждениям человеком, однако свободнее относился ко многим обрядностям, чем обыкновенные московские люди, и казался зараженным «ересью» в глазах старозаветных ревнителей благочестия. Можно с уверенностью сказать, что Петр от своей матери и от консервативного патриарха Иоакима (ум. 1690) не раз

встречал осуждение за свои привычки и знакомство с еретиками. При патриархе Адриане (1690-1700), слабом и несмелом человеке, Петр встретил не более сочувствия своим новшествам, вслед за Иоакимом и Адриан запрещал брадобритие, а Петр думал сделать его обязательным. При первых решительных нововведениях Петра все протестующие против них, видя в них ересь, искали нравственной опоры в авторитете церкви и негодовали на Адриана, который малодушно молчал, по их мнению, тогда, когда бы следовало стать за правоверие. Адриан действительно не мешал Петру и молчал, но он не сочувствовал реформам, и его молчание, в сущности, было пассивной формой оппозиции. Незначительный сам по себе, патриарх становился неудобен для Петра, как центр и объединяющее начало всех протестов, как естественный представитель не только церковного, но и общественного консерватизма. Патриарх же, крепкий волею и духом, мог бы явиться могучим противником Петра, если бы стал на сторону консервативного московского мировоззрения, осуждавшего на неподвижность всю общественную жизнь.

Понимая эту опасность, Петр после смерти Адриана не спешил с избранием нового патриарха, а «местоблюстителем патриаршего престола» назначил Рязанского митрополита Стефана Яворского, ученого малоросса. Управление же патриаршим хозяйством перешло в руки особо назначенных светских лиц. Нет нужды предполагать, как делают некоторые, что уже тотчас после смерти Адриана Петр решился упразднить патриаршество. Вернее думать, что Петр просто не знал, что делать с избранием патриарха. К великорусскому духовенству Петр относился с некоторым недоверием, потому что много раз убеждался, как сильно не сочувствует оно реформам. Даже лучшие представители древней русской иерархии, которые сумели понять всю национальность внешней политики Петра и помогали ему как могли (Митрофаней Воронежский, Тихон Казанский, Иов Новгородский), – и те были против культурных новшеств Петра. Выбрать патриарха из среды великорусов для Петра значило рисковать создать себе грозного противника. Малорусское духовенство держало себя иначе: оно само подверглось влиянию западной культуры и науки и сочувствовало новшествам Петра. Но поставить малоросса патриархом было невозможно потому, что во время патриарха Иоакима малорусские богословы были скомпрометированы в глазах московского общества, как люди с латинскими заблуждениями; за это на них было воздвигнуто даже гонение. Возведение малоросса на патриарший престол повело бы поэтому к общему соблазну. В таких обстоятельствах Петр и решил остаться без патриарха.

Установился временно такой порядок церковного управления: во главе церковной администрации стояли местоблюститель Стефан Яворский и особое учреждение, Монастырский приказ, со светскими лицами во главе; верховным авторитетом в делах религии признавался собор иерархов; сам Петр, как и прежние государи, был покровителем церкви и принимал живое участие в ее управлении. Это участие Петра привело к тому, что в церковной жизни важную роль стали играть архиереи малороссы, прежде гонимые. Несмотря на протесты и на Руси, и на православном Востоке, Петр постоянно выдвигал на архиерейские кафедры малорусских ученых монахов. Великорусское малообразованное и враждебное реформе духовенство не могло явиться помощником Петру, тогда как малороссияне, имевшие более широкий умственный кругозор и выросшие в стране, где православие вынуждено было к деятельной борьбе с католицизмом, воспитали в себе лучшее понимание задач духовенства и привычку к широкой деятельности. В своих епархиях они не сидели сложа руки, а обращали в православие инородцев, действовали против раскола, заводили школы, заботились о быте и нравственности духовенства, находили время и для литературной деятельности. Понятно, что они более отвечали желаниям преобразователя, и Петр ценил их более, чем тех духовных лиц из великорусов, узкие взгляды которых часто становились ему на дороге.

Можно привести длинный ряд имен малороссов архиереев, занявших видные места в русской иерархии. Но особенно замечательны из них: помянутый выше Стефан Яворский, св. Дмитрий, митрополит Ростовский и, наконец, Феофан Прокопович, при Петре – епископ Псковский, впоследствии архиепископ Новгородский. Это был очень способный, живой и энергичный человек, склонный к практической деятельности гораздо более, чем к отвлеченной науке, однако весьма образованный и изучивший богословскую науку не только в Киевской академии, но и в католических коллегиях Львова, Кракова и даже Рима. Схоластическое богословие католических школ не повлияло на живой ум Феофана, напротив, – поселило в нем неприязнь к схоластике и католичеству. Не получая удовлетворения в православной богословской науке, тогда плохо и мало разработанной, Феофан от католических доктрин обратился к изучению протестантского богословия и, увлекаясь им, усвоил некоторые протестантские воззрения, хотя был православным монахом. Эта склонность к протестантскому мировоззрению, с одной стороны, отразилась на богословских трактатах Феофана, а с другой стороны – помогла ему сблизиться с Петром во взглядах на реформу. Царь, воспитавшийся на протестантской культуре, и монах, закончивший свое образование на протестантском богословии, прекрасно поняли друг друга. Познакомясь с Феофаном впервые в Киеве в 1706 г., Петр в 1716 г. вызвал его в Петербург, сделал его своей правой рукой в деле церковного управления и защищал от всех нападок со стороны прочего духовенства, заметившего в любимце Петра протестантский дух. Феофан же в своих знаменитых проповедях явился истолкователем и апологетом реформ Петра, а в своей практической деятельности был искренним и способным его помощником.

Феофану и принадлежит разработка и, может быть, даже самая мысль того нового плана церковного управления, на котором остановился Петр. Более двадцати лет (1700-1721) продолжался временный беспорядок, при котором русская церковь управлялась без патриарха. Наконец, 14 февраля 1721 г. совершилось открытие «Святейшего Правительствующего Синода». Эта духовная коллегия навсегда заменила собой патриаршую власть. В руководство ей был дан Духовный регламент, составленный Феофаном и отрецензированный самим Петром. В регламенте откровенно указывалось на несовершенство единоличного управления патриарха и на политические неудобства, проистекающие от преувеличения авторитета патриаршей власти в делах государственных. Коллегиальная форма церковного управления рекомендовалась как наилучшая во всех отношениях. Состав Синода по регламенту определяется так: президент, два вице-президента, четыре советника и четыре асессора (в число их входили представители черного и белого духовенства). Заметим, что состав Синода был аналогичен с составом светских коллегий. Лица, состоявшие при Синоде, были таковы же, как и при коллегиях; представителем особы государя в Синоде был обер-прокурор, при Синоде было и целое ведомство фискалов, или инквизиторов. Внешняя организация Синода была, словом, взята с общего типа организации коллегии.

Говоря о положении Синода в государстве, следует строго различать роль его в сфере церкви от роли в общей системе государственного управления. Значение Синода в церковной жизни ясно определяет Духовный регламент, по выражению которого Синод имеет «силу и власть патриаршую». Все сферы ведения и вся полнота церковной власти патриарха присущи Синоду. Ему передана и епархия патриарха, бывшая под его личным управлением. Этой епархией Синод управлял через особую коллегия, получившую название дикастерии, или консистории. (По образцу этой консистории были постепенно устроены консистории и в епархиях всех архиереев). Так, в церковных делах Синод вполне заменил патриарха.

Но в сфере государственного управления Синод не вполне наследовал патриарший авторитет. О значении Синода в общем составе администрации при

Петре существуют у нас разнообразные мнения. Одни полагают, что «Синод во всем был сравнен с Сенатом и наряду с ним непосредственно подчинен государю» (такого мнения держится, например, П. Знаменский в своем «Руководстве к Русской церковной истории»). Другие же думают, что при Петре, на практике, государственное значение Синода стало ниже значения Сената. Хотя Синод и стремится стать независимо от Сената, однако последний, рассматривая Синод как обыкновенную коллегию по духовным делам, считал его себе подчиненным. Такой взгляд Сената оправдывался общей мыслью преобразователя, положенной в основу церковной реформы: с учреждением Синода церковь становилась в зависимость не от лица государя, как прежде, а от государства, управление ею было введено в общий административный порядок и Сенат, управлявший делами церкви до учреждения Синода, мог считать себя выше Духовной коллегии, как верховный административный орган в государстве (такой взгляд высказан в одной из статей проф. Владимирского-Буданова). Трудно решить, какое мнение справедливее. Ясно одно, что политическое значение Синода никогда не поднималось так высоко, как высоко стоял авторитет патриархов (о начале Синода см. П. В. Верховского «Учреждение Духовной коллегии и Духовный регламент», два тома. 1916; также Г. С. Рункевича «Учреждение и первоначальное устройство Св. Пр. Синода», 1900).

Так учреждением Синода Петр вышел из того затруднения, в каком стоял много лет. Его церковно-административная реформа сохранила в русской церкви авторитетную власть, но лишила эту власть того политического влияния, с каким могли действовать патриархи. Вопрос об отношении церкви и государства был решен в пользу последнего, и восточные иерархи признали вполне законной смену патриарха Синодом. Но эти же восточные греческие иерархи при царе Алексее уже решили в принципе тот же вопрос и в том же направлении. Поэтому церковные преобразования Петра, являясь резкой новинкой по своей форме, были построены на старом принципе, завещанном Петру Московской Русью. И здесь, как и в других реформах Петра, мы встречаемся с непрерываемостью исторических традиций.

Что касается до частных мероприятий по делам церкви и веры в эпоху Петра, то мы можем лишь кратко упомянуть о главнейших из них, именно: о церковном суде и землевладении, о духовенстве черном и белом, об отношении к иноверцам и расколу.

Церковная юрисдикция была при Петре очень ограничена: масса дел от церковных судов отошла в суды светские (даже суд о преступлениях против веры и церкви не мог совершаться без участия светской власти). Для суда над церковными людьми, по искам светских лиц, был в 1701 г. восстановлен (закрытый в 1677 г.) Монастырский приказ со светскими судами. В таком ограничении судебной функции духовенства можно видеть тесную связь с мероприятиями Уложения 1649 г., в которых сказалась та же тенденция.

Такую же тесную связь с древней Русью можно видеть и в мерах Петра относительно недвижимых церковных имуществ. Земельные вотчины духовенства при Петре сперва подверглись строгому контролю государственной власти, а впоследствии были изъяты из хозяйственного ведения духовенства. Управление ими было передано Монастырскому приказу; они обратились как бы в государственное имущество, часть доходов с которого шла на содержание монастырей и владык. Так пробовал Петр разрешить вековой вопрос о земельных владениях духовенства на Руси. На рубеже XV и XVI вв. право монастырей владеть вотчинами отрицалось частью самого монашества (Нил Сорский); к концу XVI в. правительство обратило внимание на быстрое отчуждение земель из рук служилых людей в руки духовенства и стремилось если не вовсе прекратить, то ограничить это отчуждение. В XVII в. земские челобитья настойчиво указывали на вред такого отчуждения для государства и дворянского класса; государство теряло земли и повинности с них;

дворяне становились безземельными. В 1649 г. в Уложении явился, наконец, закон, запрещавший духовенству дальнейшее приобретение земель. Но Уложение еще не решилось возратить государству те земли, которыми владело духовенство.

Заботясь о поднятии нравственности и благосостояния в среде духовенства, Петр с особым вниманием относился к быту белого духовенства, бедного и малообразованного, «ничем от пахотных мужиков неотменного», по выражению современника. Рядом указов Петр старался очистить среду духовенства тем, что насильно отвлекал лишних его членов к другим сословиям и занятиям и преследовал дурные его элементы (бродячее духовенство). Вместе с тем Петр старался лучше обеспечить приходское духовенство уменьшением его числа и увеличением района приходов. Нравственность духовенства он думал поднять образованием и строгим контролем. Однако все эти меры не дали больших результатов.

К монашеству Петр относился не только с меньшей заботой, но даже с некоторой враждой. Она исходила из того убеждения Петра, что монахи были одной из причин народного недовольства реформой и стояли в оппозиции. Человек с практическим направлением, Петр плохо понимал смысл современного ему монашества и думал, что в монахи большинство идет «от податей и от лени, чтобы даром хлеб есть». Не работая, монахи, по мнению Петра, «поедают чужие труды» и в бездействии плодят ереси и суеверия и занимаются не своим делом: возбуждают народ против новшеств. При таком взгляде Петра понятно стремление его к сокращению числа монастырей и монахов, к строгому надзору за ними и ограничению их прав и льгот. У монастырей были отняты их земли, их доходы, и число монахов было ограничено штатами; не только бродяжничество, но и переход из одного монастыря в другой запрещался, личность каждого монаха была поставлена под строгий контроль настоятелей: занятия в кельях письмом запрещены, общение монахов с мирянами затруднено. В конце царствования Петр высказал свой взгляд на общественное значение монастырей в «Объявлении о монашестве» (1724). По этому взгляду, монастыри должны иметь назначение благотворительное (в монастыри помещались на призрение нищие, больные, инвалиды и раненые), а кроме того, монастыри должны были служить к приготовлению людей к высшим духовным должностям и для приюта людям, которые склонны к благочестивой созерцательной жизни. Всей своей деятельностью относительно монастырей Петр и стремился поставить их в соответствие с указанными целями.

В эпоху Петра отношение правительства и церкви к иноверцам стало мягче, чем было в XVII в. К западноевропейцам относились с терпимостью, но и при Петре к протестантам благоволили больше, чем к католикам. Отношение Петра к последним обуславливалось не одними религиозными мотивами, но и политическими: на притеснения православных в Польше Петр отвечал угрозами воздвигнуть гонение на католиков. Но в 1721 г. Синод издал важное постановление о допущении браков православных с неправославными – и с протестантами и католиками одинаково.

Политическими мотивами руководился отчасти Петр и по отношению к русскому расколу. Пока он видел в расколе исключительно религиозную секту, он относился к нему довольно мягко, не трогая верований раскольников (хотя с 1714 г. и велел с них брать двойной податной оклад). Но когда он увидел, что религиозный консерватизм раскольников ведет к консерватизму гражданскому и что раскольники являются резкими противниками его гражданской деятельности, тогда Петр изменил свое отношение к расколу. Во вторую половину царствования Петра репрессии шли рядом с веротерпимостью: раскольников преследовали как гражданских противников господствующей церкви; в конце же царствования и религиозная терпимость как будто бы уменьшилась и последовало ограничение гражданских прав всех без исключения раскольников, замешанных и не замешанных в

политические дела. В 1722 г. раскольникам дан был даже определенный наряд, в особенностях которого видна была как бы насмешка над расколом.